

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В АРЕАЛЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: НОРМА И УЗУС

Т.П. Млечко

Кафедра славянской филологии
Славянский университет в Республике Молдова
ул. Флорилор, 28/1, МДА-2075

В статье рассматривается проблема научной интерпретации территориально маркированных фактов языковой действительности, которые не входят в кодифицированный фонд современного русского литературного языка, но используются русской языковой личностью в коммуникативной практике, отмеченной лингвокультурным своеобразием каждой из стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: система языка, норма, узус, языковая личность, региональная специфика, ближнее зарубежье.

Восприимчивость языка и его устойчивость к иноязычному влиянию показательны как процессы, характеризующие «жизнь и поведение языка» в каждом конкретном пространственно-временном измерении. Результаты этих процессов по-разному закрепляются в практике и не всегда закрепляются в лексикографии. Норма как собственно языковой феномен и как социально-историческая категория в настоящее время требует особого рассмотрения применительно к специфике русского языка в странах ближнего зарубежья, что актуально не только в свете полемики относительно формирования национальных вариантов русского языка на постсоветском пространстве, но и в чисто практических целях его преподавания и использования вне России.

Наша цель — рассмотреть русский язык в коммуникативном пространстве ближнего зарубежья в плане соотношения нормы и узуса в речевой практике русской языковой личности.

Какой бы ни была позиция исследователей по вопросу о национальных вариантах русского языка, практика в любом случае диктует необходимость изучения и осмысления того, что не входит в кодифицированный фонд современного рус-

ского литературного языка, но используется его носителями в странах их проживания. Речь идет о способе признания специфики отдельных форм и значений слов, а также заимствований и абсолютно новых для русского языка единиц. Эти факты не зафиксированы ни одним словарем, включая местные.

Для русского языка повсеместно действует единая академическая норма, однако нормализаторами в отдельных ситуациях могут выступать не только словари, что актуально для рассмотрения случаев инонационального влияния на русский язык в конкретном регионе его функционирования.

Базовое для языка триединство *система — норма — узус* является той осью, на которой «располагаются», с которой так или иначе соотносятся элементы коммуникативной практики. Как известно, система задает рамки возможного, т.е. диктует и позволяет, норма — отбирает и устанавливает, узус — нарабатывает и предлагает.

Б.А. Серебренников, рассматривая вопрос о соотношении структуры языка, нормы и узуса, констатирует: «Норма не может оставаться единственным понятием, представляющим реализацию и функционирование языка. Другим понятием функционального плана и является узус, отличающийся от нормы тем, что он всегда содержит определенное число окказиональных, нетрадиционных и даже некорректных реализаций, хотя некоторые из них *могут быть, впрочем, довольно устойчивыми* (1)... Норма и узус полностью не совпадают — узус, включая как традиционные, устойчивые, правильные, так и нетрадиционные, окказиональные и ошибочные реализации, *всегда шире нормы*» [11].

В свою очередь Л.П. Крысин, рассуждая о несовпадении нормативных предписаний и речевой практики, пишет: «Между системой и нормой находится узус — использование языка в разных сферах человеческой деятельности, речевая практика. В узусе нередко реализуется, с одной стороны, то, что не является нормой, но разрешает языковая система, а с другой, то, что не только не является нормой, но и выходит за пределы системных возможностей языка. Иначе говоря, узус „перекрывает“ и нормативные рекомендации и запреты, и системные потенции языка» [8].

Из этого мы будем исходить в попытках квалифицировать те явления, которые не вписываются (пока не вписываются или не совсем вписываются) в рамки общепринятых норм русского литературного языка и являются территориально ограниченными в своем использовании.

Прежде всего важно отметить, что в лингвистике, где к проблеме нормы или стандарта, как ее предпочитают называть на западе, обращались и обращаются виднейшие ученые, принято двойное понимание нормы: дескриптивное (то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе) и прескриптивное (то, как *надо*, как *правильно* говорить), которое, как известно, одним из первых ввел в науку Э. Косериу [6].

В настоящее время это формулируется как *широкое* и *узкое* понимание нормы. «В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых

идиомов. В этом понимании норма близка к понятию узуса, то есть к обозначению общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка... В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным» [8].

Каков же в таком случае ответ на вопрос о том, можно ли считать нормативной речь, маркированную инонациональным лингвокультурным влиянием, в каждом географически отдельном сегменте русского мира? Начнем с того, что подобный вопрос — «*Сколько норм в русском языке?*» [1], ставший названием научной публикации В.И. Беликова, касается не только языка русского зарубежья. Он актуален, как никогда, и в самой России. Ответ ученого на него таков: «Грамматическая норма в русском языке едина, что же касается фонетики и лексики — вопрос непростой» [1]. К числу непростых, например, относится проблема параллельного функционирования нескольких лексических вариантов, о чем В.И. Беликов высказывает свое мнение в другой статье — «Задачи социальной лексикографии»: «Для русской лексикографии крайне актуально создание социолингвистически ориентированного словаря с фиксацией районов бытования регионализмов, как общеупотребительных (нормативных и сниженных), так и социолектно ограниченных. Эта задача может быть решена лишь содружеством русистов различных городов России и *зарубежья*» [2].

Такое предложение настоятельно подсказано самой практикой функционирования языка, его реальной жизнью в разных точках мира.

В самой России происходит параллельная номинация новых реалий, что, помимо диалектов, является источником *регионально-нормативной лексики*. Здесь важно особо подчеркнуть, что параллельная номинация не является параллельной нормой, по которой как раз и различаются между собой национальные варианты того или иного языка.

При параллельной номинации «многие такого рода единицы оказываются единственным используемым в повседневной практике (а иногда и единственно известным) способом обозначения определенного понятия для тех лиц, которых никак нельзя исключить из числа носителей литературного языка, например, для вузовских русистов... В ряде случаев за границей возникло противопоставление повседневного (старого нормативного) и „официального“ русского узуса... *Каков бы ни был официальный статус русского языка за пределами России, развивается он там уже во многом самостоятельно.* „Официальная“ норма России в ряде случаев идет на поводу у иностранной нормы (ср. новое управление в *Украине*), но чаще всего просто не знакома с ней» [2].

В России уже поднимается вопрос о том, чтобы в лексикографическую практику ввести регионально-ограничительные пометы с целью получить расширение (пополнение) кодифицированных синонимических рядов с соответствующими пометами о региональности отдельных единиц в общих словарях русского языка. По отношению к узусу с заметным присутствием в нем регионально специфичных примет даже применяется специальный термин — *региолект* [9].

Проблема региональной специфики обсуждается и в ее российском диапазоне, и в международном. Этим вопросам специально был посвящен семинар в Тартуском университете, в работе которого приняли участие языковеды Эстонии, Белоруссии, Латвии, Польши, России [10]. Такие темы выступлений, как «Займствования в системе русскоязычных обращений: смена норм?» (В.Б. Гулида, С.-Петербург), «Лингвистическая триада: норма, вариант нормы и речевая ошибка» (Н.В. Перфильева, Москва) и др., касаются разных стран, в том числе ближнего зарубежья.

Рассматривая разницу между литературной нормой и некодифицированной частью зарубежного узуса, важно отметить, что он старается не «выпадать» из системы, т.е. он ориентирован на систему как на алгоритм.

Речевая практика русских в зарубежье, несмотря на интеркаляционные и интерференционные инвазии, при сознательной адаптации чужеродного материала, как правило, русифицирует его. В качестве механизма срабатывает аналогия, прецедент. На это обращали внимание в советский период и обращают внимание исследователи из разных суверенных постсоветских геополитических пространств [13; 14]. Литовский лингвист Б. Синочкина отмечает: «Вхождение новых единиц в принимающий язык в конечном счете подчиняется общим правилам заимствования, а степень освоенности заимствуемого имени зависит от целого ряда причин, как языковых, так и экстралингвистических... Выбор „своеобразие“ или „норма“, если одно противоречит другому, принимающий язык в итоге *решает в пользу нормы — таково требование системы*» [12].

Безусловно, исключения составляют случаи, которые строго диктуются законом или местной традицией. Тогда русофоны «идут на поводу» у местных неисконных носителей русского языка. Здесь вступает в свои права узус, который всегда шире нормы, что, тем не менее, тоже порождает норму, но иную — коммуникативную. Тогда в «ситуациях общения мы имеем дело с нормой как „установленной мерой, средней величиной“. Такую норму можно назвать *прототипической* — ориентированной на наиболее частотный образец коммуникативного поведения... Когнитивный механизм выбора модели речевого поведения базируется на альтернативах „принято / не принято“, „удобно / неудобно“» [5]. Утверждая это, О.С. Иссерс в статье «Типы коммуникативных норм и детерминирующие их факторы» приходит к выводу, что «существуют 4 типа коммуникативной нормы, определяемые ситуацией общения и различающиеся по степени императивности. Они отражают сложившиеся в обществе представления о допустимых границах варьирования речевого поведения, нарушение которых ведет к коммуникативному конфликту» [5].

В своих рассуждениях О.И. Иссерс отталкивается от того, что норма как «узаконенное установление» имеет место в достаточно ограниченной социальной сфере. Для нас применительно к зарубежному русскому миру важно добавить, что ограничения оказываются обусловленными еще и территорией инационального государства с его лингвокультурной и социальной спецификой. Таким образом, можно говорить не об ослаблении позиции нормы как таковой, а о *конвенциональной коммуникативной норме*, которая учитывает и отражает потребности контекста.

В целом, общенациональный русский язык на рубеже веков стал более демократичным, более восприимчивым к узкоспециальным и иностранным заимствованиям. Однако при всей либерализации языкового поведения и языкового выбора приверженность норме сильна в российском обществе, в чем сказывается и его образованность, и его начитанность (литературоцентричность), и общее понимание важности сохранения единого языка как основы национального единства. Особенно ярко это проявилось в связи с вступлением в силу 1 сентября 2009 г. приказа № 195 Министерства образования РФ, определяющего список словарей, грамматик и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка (2). К использованию был предложен комплект словарей, содержащих альтернативные варианты, которые существуют в российском узусе. Идея вариативной нормы, т.е. нестрогой, размытой, была воспринята не только критически, но явно негативно. «В частности, в Общественной палате РФ возмутились „неуважением к русскому языку“ и стремлением зафиксировать искаженные слова в качестве нормы» (3). Такое же отношение социума к этому отобразили СМИ: «Ошибки в русском языке узаконили» (4).

Возвращаясь вновь к вопросу о том, сколько норм в русском языке, обратим внимание на раздельное рассмотрение Л.А. Вербицкой понятий *вариативность* и *вариантность*. Первое из них основано на том, что все функционально неравноправные языковые единицы вариативны по отношению к их абстрактному инварианту, т.е. представлены в речи в виде множества вариантов. Второе понятие — *вариантность* — предполагает другие отношения между функционально равноправными языковыми формами: эталон, образец или нормативный вариант, модификация этой нормы или отклонение от нее... Норма «как бы устанавливает границы, за которые говорящий не должен выходить. Из этого следует, что в рамках этих границ варьирование возможно» [3].

Применительно к вопросу обоснованности установления собственных норм для русского языка в странах ближнего зарубежья, следует, на наш взгляд, принять к сведению следующие положения, сформулированные Л.П. Крысиным. Они касаются того, что норма в некодифицированных подсистемах языка равна узусу, который *не обязательно антиномичен норме*, что, несмотря на существование локальных вариантов русского языка и «активность ряда процессов, происходящих в современном русском языке, его система сохраняет свою устойчивость» [7].

Таким образом, по отношению к русскому языку, функционирующему в странах ближнего зарубежья, мы можем говорить об узусе, который «перекрывает» нормативные рекомендации, а также о дескриптивной норме или норме в широком понимании, которая отличает русские идиомы каждой постсоветской республики от всех других.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что диктатура нормы важна для сохранения единства языка, однако ее диктат не распространяется на все пространство узуса, где вступают в силу иные правила, которые, если говорить о зарубежье, на местном материале и на местный манер ее преломляют. Чужеродное появляется

в узусе, т.е. в речевой практике, русифицируется по законам системы и обретает конвенциональную норму: происходит его кодификация по умолчанию. Это придает специфический колорит русской речевой практике в каждом государстве, но не становится основанием для обособления национальных вариантов с другими нормами. Нормы не стали другими. Другой — лишь сегмент коммуникации, в котором отличия неизбежны, что преобразует определенным образом и русскую языковую личность. Они оправданы в тех случаях, когда в русском языке возникает дефицит средств для покрытия специфической зоны действительности или специфических потребностей коммуникации в том или ином лингвокультурном окружении.

В этом и есть региональная специфика, которую нельзя отменить, но ее не следует культивировать, искусственно продвигать и альтернативно узаконивать в качестве национального варианта русского языка. Бикультурные носители и пользователи русского языка многое в окружающей их действительности могут назвать «по-местному», однако рамки и ориентиры такому узусу задает литературный язык с едиными кодифицированными нормами. Убедительным аргументом является прецедент дальнего зарубежья, где ассимилирующее воздействие среды многократно сильнее, чем в республиках ближнего зарубежья, где у русского языка есть своя исторически полноценно сложившаяся среда бытования. «Изученные мною обширные материалы не дают оснований говорить ни об умирании русского языка за рубежом, ни о его пиджинизации. Напротив, можно констатировать поразительную стойкость русского языка. Во многих семьях (и не только у тех лиц, которые связаны с русским языком профессионально) русский язык живет в третьем и даже четвертом поколении эмиграции» [4].

Таким образом, норма в узком понимании термина, признаваемая повсеместно на постсоветском пространстве, не дает нам оснований для обособления инонациональных вариантов русского языка, а термин норма в широком смысле допускает признание объективно существующей региональной специфики, лексикографическое описание которой одинаково актуально как для России, так и для ближнего зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Здесь и далее выделено автором статьи.
- (2) В список вошли лишь четыре книги, все они вышли в издательстве «АСТ-пресс»: «Орфографический словарь русского языка» Б. Букчиной, И. Сазоновой и Л. Чельцовой, «Грамматический словарь русского языка» под ред. А. Зализняка, «Словарь ударений русского языка» И. Резниченко и «Большой фразеологический словарь русского языка» с комментарием В. Телия.
- (3) В 2010 г. нормативный *словарь* расскажет, как писать [Электронный ресурс]. — URL: riw.ru/russia_culture29614.html (дата обращения: 10.11.2010).
- (4) Кофе стал среднего рода. Ошибки в русском языке узаконили // Московский Комсомолец. — 2009. — № 25145. — 1 сентября. Отметим также и тысячи — 46 967 — просмотров электронной версии этой газеты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Беликов В.И.* Сколько норм в русском языке? // *Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы.* — М.: Изд. МГУ, 2001. — С. 297. [*Belikov V.I.* Skolko norm v russkom yazyke? // *Russkij yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost. Mezhdunarodnyj kongress rusistov-issledovatelej. Trudy i materialy.* — М.: Изд. МГУ, 2001. — С. 297.]
- [2] *Беликов В.И.* Задачи социальной лексикографии. // *Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 18—21 января 2004 года. Труды и материалы.* — М.: Изд. МГУ, 2004. — С. 181—182. [*Belikov V.I.* Zadachi socialnoj leksikografii. // *Russkij yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost. II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka. Moskva, MGU, 18—21 yanvarya 2004 goda. Trudy i materialy.* — М.: Изд. МГУ, 2004. — С. 181—182.]
- [3] *Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. — М., 2001. — С. 14—15. [*Verbickaya L.A.* Davajte govorit pravilno. Posobie po russkomu yazyku. — М., 2001. — С. 14—15.]
- [4] *Земская Е.А.* Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. — Ljubljana, 2003. — С. 105. [*Zemskaya E.A.* Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. — Ljubljana, 2003. — С. 105.]
- [5] *Иссерс О.С.* Типы коммуникативных норм и детерминирующие их факторы // *Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы I Международного конгресса.* — М.: МГУ, 2001. — С. 303. [*Issers O.S.* Tipy kommunikativnyx norm i determiniruyushhie ix faktory // *Russkij yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa.* — М.: МГУ, 2001. — С. 303.]
- [6] *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике. Вып. 3.* — М., 1963. — С. 143—343. [*Koseriu E.* Sinxroniya, diaxroniya i istoriya // *Novoe v lingvistike. Vyp. 3.* — М., 1963. — С. 143—343.]
- [7] *Крысин Л.П.* Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // *Современный русский язык. Система — норма — узус.* — М., 2000. — С.160. [*Krysin L.P.* Problema sootnosheniya yazykovoj sistemy, normy i uzusa // *Sovremennyj russkij yazyk. Sistema — norma — uzus.* — М., 2000. — С. 160.]
- [8] *Крысин Л.П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении.* — 2007. — № 2 (14). — С. 5—17. [*Krysin L.P.* Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika // *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii.* — 2007. — № 2 (14). — С. 5—17.]
- [9] *Крысин Л.П.* Региолект среди других форм существования современного русского национального языка // *Проблемы региональной лингвистики: Сб. материалов Международной научной конференции.* — Благовещенск: Амурский государственный университет, 2010. — С. 5—11. [*Krysin L.P.* Regiolekt sredi drugix form sushhestvovaniya sovremennogo russkogo nacionalnogo yazyka // *Problemy regionalnoj lingvistiki: Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* — Blagoveshhensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2010. — С. 5—11.]
- [10] Развитие и вариативность языка в современном мире: Международный семинар, Тартуский университет. Эстония, 19—21 ноября 2010 г. [*Razvitie i variativnost yazyka v sovremennom mire: Mezhdunarodnyj seminar, Tartuskij universitet. Estoniya, 19—21 noyabrya 2010 g.*]
- [11] *Серебренников Б.А.* Общее языкознание. — М.: Наука, 1970. — С. 556—557. [*Serebrennikov B.A.* Obshee yazykoznanie. — М.: Nauka, 1970. — С. 556—557.]

- [12] *Синочкина Б.М.* О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве // Kalbotira. Языкознание. — 1989. — № 40(2). — С.75—83. [*Sinohkina B.M.* O nekotoryx regionalnyx osobennostyax russkogo yazyka v Litve // Kalbotira. Yazykoznanie. — 1989. — № 40(2). — S. 75—83.]
- [13] *Синочкина Б.М.* Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка // Kalbotira. Языкознание. Научные труды высших учебных заведений Литвы. — 1990. — № 4(20). — С. 17—24. [*Sinohkina B.M.* Litovskaya toponimika i grammaticheskie normy russkogo yazyka // Kalbotira. Yazykoznanie. Nauchnye trudy vysshix uchebnyx zavedenij Litvy. — 1990. — № 4(20). — S. 17—24.]
- [14] *Шайбакова Д.Д.* Функции и состояние русского языка в Казахстане // Slavica Helsingiensia 24: «Русский человек в иноязычном окружении» / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. — Хельсинки, 2004. — С. 183. [*Shajbakova D.D.* Funkcii i sostoyanie russkogo yazyka v Kazaxstane // Slavica Helsingiensia 24: «Russkij chelovek v inoyazychnom okruzenii» / Pod red. A. Mustajoki i E. Protasovoj. — Xelsinki, 2004. — S. 183.]

**COMMUNICATIVE PRACTICE
OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY
IN THE NEAR ABROAD AREA:
STANDARD AND USAGE**

T.P. Mlechko

The Chair of Slavonic Philology
Slavonic University of Moldova
Florilor str., 28/1, MDA-2075

The article examines the problem of scientific interpretation of the geographically labelled facts of the linguistic reality, which are not codified in modern Russian literary language but are used by the Russian linguistic personality in communicative practice. The practice is marked with linguistic and cultural originality of each of the neighboring countries.

Key words: language system, standard, usage, linguistic personality, regional specificity, neighboring countries.